

На деревенской повозке, везущей людей из города, сидело трое-четверо человек: старушка, ребёнок, женщина и юноша. На телеге ещё лежали груды всякой поклажи — плетёные корзины, рюкзаки, да другие мелочи. Всё это было набито купленными в городе дровами, рисом, маслом и солью.

Сун Нин, прижав к себе маленький свёрток, оказался в уголке телеги. Он опустил голову и, казалось, задумался о чём-то своём. Перед ним ребёнок сжимал в руках луковый пирожок, и Сун Нин невольно проглотил слюну — как же он хотел есть!

Рядом с ним сидела стройная женщина — будущая тёща. На ней была синяя простая льняная одежда, на плече виднелся заплатаанный участок, а на голове — выстиранная до белизны повязка. Вся она излучала порядок и энергичность.

Женщина с радостной улыбкой рассматривала Сун Нина, а он не мог этого не заметить. Он только ниже опустил голову, стараясь стать незаметным.

Телега тряхнула, и Сун Нин слегка прижался к незнакомой старушке рядом. Казалось, она делала это специально, поджималась к нему локтем, и Сун Нину ничего не оставалось, как сутулиться и сжаться в комок.

Но Чэнь Цуйхуа не позволяла так обращаться с Сун Нином. Ведь этот мальчик в будущем станет её невесткой!

На телеге ехали простые люди, возвращавшиеся с городского рынка, а то место, на котором сидел Сун Нин, она специально отвоевала для него — просторное, и сидеть там было удобно, даже если телегу тряхнуло.

Старушка опоздала и не успела занять это удобное место, поэтому теперь специально толкалась локтем, стараясь прижать Сун Нина.

Чэнь Цуйхуа не могла это терпеть — она слегка подтолкнула старушку через Сун Нина:

«Да чего ты толкаешься? Там вокруг столько места!»

Старушка закатила глаза:

«Не видишь, что сбоку клетка для скотины стоит?!»

Хотя все на телеге были чужими друг другу, Чэнь Цуйхуа терпеть такое унижение не собиралась. Сун Нин ещё не вернулся к себе домой — и она никак не позволила бы, чтобы с ним так обращались.

«Эта клетка с курицами ведь тебе не принадлежит» - возразила она. «А ты всё равно жалуешься!»

Сун Нин сидел между Чэнь Цуйхуа и незнакомой старушкой. Та, подняв клетку с двумя курицами, пыталась прижать его к себе; внутри пахло ужасно, а она упорно старалась протолкнуться именно к нему.

Но Чэнь Цуйхуа тоже не из робкого десятка. Она перебросилась парой колких слов через Сун Нина с этой старушкой. Сун Нин испуганно сжался, а Чэнь Цуйхуа этого даже не заметила.

Она слегка потянула его за руку:

«Нин, давай поменяемся местами. Я хочу посмотреть, осмелится ли эта старушка меня толкать!»

Сун Нин послушно пересел. Рядом с Чэнь Цуйхуа оказались несколько корзин — место было уже не такое просторное, как раньше, но зато больше не приходилось тесниться с этой старушкой.

Старушка всё ещё бубнила себе под нос:

«Есть медяки — так почему бы самому не взять телегу? Садись как хочешь, хоть ложись, никто и слова не скажет».

Чэнь Цуйхуа плевнула в сторону:

«А ты сама почему телегу не взяла, старая жмотка? Ты только и смеешься над ребёнком. Попробуй меня хоть раз прижать!»

Старушка фыркнула и больше не отвечала. Она поняла, что с этой женщиной шутки плохи, и, осознав своё поражение, могла лишь украдкой закатить глаза.

В деревне люди жили бедно, и не каждый решался потратить медяки на телегу. Деревня Далюшу была больше чем в часе пути от города, а Чэнь Цуйхуа, когда продавала в городе корзины или что-то подобное, почти никогда не тратилась на три медяка за телегу.

Но сегодня был первый день, когда её новый зять, Сун Нин, едет к ней в дом. Хоть праздничного приёма и не устраивали, Чэнь Цуйхуа всё же наскребла несколько медяков и села на телегу.

Ведь её новая невестка был сыном семьи из города, и, говорят, у них даже была лавка. Если бы не мнимая слабость его мачехи, ей бы и не достался такой фулан. И даже за него пришлось отдать десять лянов серебра — это было всё, что у её семьи имелось.

Она только что купила в городе мяса и медяков в руках почти не осталось. В первый день в доме нового мужа Чэнь Цуйхуа не хотела, чтобы Сун Нин шёл с ней пешком, поэтому на последние пять медяков они сели на телегу. Сначала им не хватало одной медяковой монеты, но Чэнь Цуйхуа уговорила хозяев, и те позволили им занять места.

Хотя с этой старушкой Чэнь Цуйхуа поспорила всего пару раз, настроение у неё было при этом отличное — наконец-то её сын обзавёлся фуланом.

Всю дорогу Чэнь Цуйхуа внимательно присматривала за Сун Нином: даже когда на рынке покупала мясо, она держала его за руку, боясь, что с ним случится что-то неприятное.

И нельзя было винить её за осторожность. Её сын Вэй Ху раньше уже дважды был помолвлен. Первая невестка заболела простудой ещё до того, как пришёл в дом, и умер; вторая, уже после помолвки, отправилась в горы и была убита диким зверем — от него остался лишь окровавленный уголок одежды, человека так и не нашли.

Вэй Ху был красивый и статный, высокий и крепкий, настоящая рабочая рука в поле, да ещё и умел охотиться — вроде бы он не должен был остаться без жены, но обе помолвки не состоялись. При этом подарки за обе свадьбы было стыдно возвращать, а ещё сын приобрёл репутацию "губителя жён".

Чэнь Цуйхуа едва не с ума сходила от тревоги. Её сыну уже перевалило за двадцать, а все никак не женился. И тут вдруг свадьба сама нашла их — кто же мог быть недоволен? Она отдала все свои сбережения и привела невестку домой.

Чэнь Цуйхуа всё смотрела на Сун Нина и всё оставалась довольна. Мальчику было всего шестнадцать, а выглядел он очень смышленным: глаза — большие и круглые, белки — белоснежные, словно тесто. Всё в нём было хорошо, за исключением худощавого телосложения, но Чэнь Цуйхуа уже решила: немного подрастёт и будет крепким.

Но совпало ещё и то, что в тот день, когда она пришла забирать Сун Нина, во дворе семьи Сун царил настоящая свадебная суэта — дочь выдавалась замуж.

Чэнь Цуйхуа понимала всё. Мачеха была по-настоящему жестокой: в парадном дворе — блеск и веселье, отдавали замуж родную дочь, а в тёмном заднем дворе — тихо и холодно, просто выгнали сиротливого мальчика.

Говорили, что его отец умер два года назад, и теперь ему приходилось жить под гневом мачехи. Даже если он был сыном семьи из города, его жизнь явно была нелёгкой.

Сегодня, когда Чэнь Цуйхуа забирала его, мальчика провожала плачущая старушка с сединой — видимо, домашняя прислуга. Семья Сун была явно состоятельной: хотя и не сильно богатые, но точно не бедная.

Чэнь Цуйхуа видела мачеху этого мальчика однажды, когда та получила десять лянов серебра за выкуп — это было приданое, и обе стороны прекрасно это понимали. Мачеха была одета богато: шёлковый наряд, в волосах — две блестящие серебряные шпильки, на запястье — нефритовый браслет.

А мальчик был в полуизношенной одежде, с бледным, как воск, лицом — видно, что жизнь его не жалела.

Но, несмотря на трудности года, проведённого с мачехой, раньше он всё-таки жил хорошо. Чэнь Цуйхуа вспомнила, как сегодня на рынке, когда они покупали мясо, руки мальчика были чистыми — ни одного мозоля.

Не то что деревенским ребятишкам — едва научатся ходить, а уже приходится вместе с взрослыми в поле работать.

Шестилетние-семилетние мальчишки и девчонки ещё не выше кухонной плиты, а уже могут встать на скамеечку и готовить. Старше — и в лес за дровами, и на луга косить траву, а в разгар жатвы — за взрослыми на поле собирать рис.

Телега медленно покатила к деревне Далюшу. Сун Нин опустил голову, взгляд его был рассеян, лицо как будто застывшее. Он сжимал маленький свёрток в руках, пальцы слегка побелели от усилия.

Он не знал, кто перед ним, и, услышав про суровую деревенскую жизнь, ощущал лёгкое беспокойство. Он рос в тепле и заботе, а перед лицом неизвестного будущего невольно тревожился.

Сегодня в семье Сун был радостный день — правда, радость эта была для его старшей сестры. Сегодня выходила замуж не только он, но и его сестра, Сун Баочжу, в красном свадебном платье, шла через парадный вход. А Сун Нин в грубой льняной одежде выходил через заднюю

калитку.

Сун Нин вздохнул и сдержав слёзы, поджал губы. Сун Баочжу была его сводной сестрой, привезённой мачехой, она была всего на год старше него. Сегодня она выходила замуж за городского учёного, который первоначально был предназначен ему. Но после смерти отца его мачеха отхватила жениха для сестры и, боясь шума, поспешила выдать её замуж.

Когда телега остановилась, Сун Нин ещё не пришёл в себя. Чэнь Цуйхуа ловко спрыгнула с телеги, держа корзину на одном плече, руку к нему потянулась к нему:

«Нин, мы приехали, скорее спускайся!»

Только услышав её голос, Сун Нин очнулся и взял её за руку, чтобы спуститься с телеги.

Чэнь Цуйхуа шла по деревне, держась за него, словно победоносная воительница: спина прямая, голова поднята, лицо светилось гордостью. На краю деревни стоял каменный жернов, где всегда собиралась толпа: кто-то молот муку, кто-то толкал рис — шумно и оживлённо.

Чэнь Цуйхуа шла мимо с мальчиком, опустившим голову. Хотя никто не видел родимое пятнышко на его лице, силуэт выдал — это мальчик.

Кто-то из деревенских спросил:

«Цуйхуа, это родственник к вам приехал?»

Чэнь Цуйхуа засверкала от радости, отпустила Сун Нина и подошла:

«Нет, это жених моего сына. Сегодня только приехал к нам. Мальчик робкий, так что даже не смейте обижать моего Нина!»

Слова Чэнь Цуйхуа вызвали настоящую бурю — люди сразу окружили их:

«Ого, это жених Вэй Ху? Тётя Цуйхуа, как же вы так тихо невестку привели домой?»

Чэнь Цуйхуа специально купила немного жареного арахиса, положила в корзину, сверху — связку мяса, которую она только что купила. Подняв потрёпанную ткань, сказала:

«Эх, я решила сделать всё тихо. Так и должно быть с этим браком — нельзя тревожить духов, иначе не обойдётся без бед».

Все поздравляли, при этом взгляды сразу обращались к Сун Нину. Новый фулан был в полустарой синей робе, волосы частично собраны, голову опустил — черты лица было почти не разобрать.

Чэнь Цуйхуа держала корзину и уступала дорогу:

«Берите жареное, только что купила в городе».

Жители деревни с радостью хватали горсть арахиса. Старушка Сунь, воспользовавшись моментом, когда Чэнь Цуйхуа раздавала угощение, протянула к Сун Нину свою сухую, сморщенную руку:

«Как зовут? Сколько лет? Из какой семьи?»

Сун Нин испугался внезапно протянутой руки, ахнул и шагнул назад, чуть не потеряв равновесие. Чэнь Цуйхуа услышала шум, обернулась и увидела, что старушка Сун держит её Нина!

Чэнь Цуйхуа мгновенно подошла, схватила Сун Нина и спрятала его за собой:

«Сунь-прабабушка, чего это ты творишь? С такой старой корой на лице пугаешь моего Нина!»

Старушка фыркнула:

«Я всего лишь хотела глянуть, как выглядит твоя новая невестка».

«И зачем тебе смотреть?» - холодно ответила Чэнь Цуйхуа, ведя Нина за руку дальше.

Не забывая при этом обратиться к деревенским женщинам:

«Заходите к нам как-нибудь потом в гости, проведать Нина!»

Когда пара ушла в сторону, жители деревни начали обсуждать:

«Вот это да, Чэнь Цуйхуа снова для Вэй Ху нашла жениха!»

Старушка Сунь, ещё раздражённая замечанием Чэнь Цуйхуа, сразу закатила глаза:

«Да только бы не убила его своим проклятьем! Мальчик такой хилый, один порыв ветра — и всё... через пару дней у семьи Вэй опять неприятности...»

«Сунь-прабабушка, чего ты говоришь? Почему же ты желаешь беды ребёнку?» - строго возразил кто-то.

«Разве вы не слышали тётю Цуйхуа? Празднество, кажется, решили не устраивать. Привели человека — и свадьба уже считается состоявшейся».

«Это и хорошо. Я тоже слышала от старших: у того, кто приносит несчастья женам, тихо сыграна свадьба — не тревожится дух, так что жена и муж могут спокойно быть вместе».

«А Вэй Ху ведь хорошенький мальчик. Почему же он считается "губителем для жён"? Если бы не эта репутация, кто из деревни отказался бы выйти за него замуж?»

Чэнь Цуйхуа весело вела Сун Нина домой, утешая его по дороге:

«Дома только я и мой сын. Сегодня рано утром Вэй Ху ушёл в горы на охоту, а к вечеру вернётся».

Сун Нин послушно кивнул. Чэнь Цуйхуа понимала: мальчик робкий и мало говорит, но это не беда. Главное — её сын смог жениться. А Нин такой хороший и красивый — даже лучше деревенских ребят — его робость не имеет значения. Она будет защищать его, не позволяя никому обижать.

В это время Вэй Ху, за спиной неся лук, стрелы и большой меч, пробирался сквозь густой лес, совершенно не подозревая, что его мать, пока он был занят, уже привела жениха домой.